

ЛЕКСИЧЕСКИЙ ПОВТОР И ДЕМОНСТРАЦИЯ ПАДЕЖНОЙ ПАРАДИГМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

BORIS IU. NORMAN

LEXICAL REPETITION AND SHOWING OF THE CASE PARADIGM IN A LITERARY TEXT

Анализируется повтор существительного в одной и той же или в разных падежных формах в рамках одного предложения (*По Смоленской дороге столбы, столбы, столбы...*; *Судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе...*). Основным источником материала служат произведения русской художественной литературы; выборка составляет несколько десятков примеров. На фоне непроизвольного повторения лексемы, встречающегося в спонтанной речи, выделяются случаи преднамеренной редупликации, обусловленные важностью темы или связанные с выражением функции Magn (количественное, качественное, пространственное или временное усиление). Центральным объектом внимания статьи оказываются случаи использования писателем или поэтом полного или частичного набора форм слова (то есть его парадигмы). Эти формы выстраиваются в тексте в сочинительный ряд, а последовательность их соответствует той, которая принята в российской грамматической традиции. Особой популярностью пользуется данный приём в поэзии, что свидетельствует о его эстетической ценности. С теоретической же точки зрения перед нами факты вторжения в синтагматический по своей природе текст иного — парадигматического — измерения. Предложено психологическое и семиотическое объяснение данного феномена. Такой перечень словоформ указывает перспективы грамматического развертывания текста как пунктира из опорных единиц, которые могут быть использованы в будущих высказываниях. Показано, что условная последовательность словоформ, принятая в грамматике, реализуется в виде сочинительного ряда независимо от степени коммуникативной востребованности форм падежа и от профиля конкретного слова.

Ключевые слова: повтор; функция; падеж; существительное; парадигма; художественный текст.

The article analyzes the repetition of a noun in the same or in different case forms within the same sentence (like in the examples “Po Smolenskoj doroge stolby, stolby, stolby...”; “Sud’ba, sud’by, sud’be, sud’boyu, o sud’be...”). The main source of material is the works of Russian fiction; the database consists of several dozen examples. Against the background of the involuntary repetition of a lexeme that occurs in spontaneous speech, cases of deliberate reduplication are distinguished, due to the importance of the topic or associated with the expression of the “Magn” function (quantitative, qualitative, spatial or temporal amplification). The central object of attention of the article is the use of a complete or partial set of word forms (that is, its paradigm) by a writer or poet. These forms line up in the text in a compositional series, and their sequence corresponds to that

**Борис Юстинович
Норман**

Доктор филологических наук,
профессор-эмерит

► boris.norman@gmail.com

Boris Iu. Norman

Doctor of Philology
Emeritus Professor

adopted in the Russian grammatical tradition. This technique is especially popular in poetry, which indicates its aesthetic value. From a theoretical point of view, these are the facts of intrusion of paradigmatic dimension into a text that is syntagmatic by its nature. The author proposes a psychological and semiotic explanation of this phenomenon. Such a list of word forms indicates the prospects for grammatical development of the text as a dotted line of reference units that can be used in future utterances. The author has shown that the conditional sequence of word forms adopted in grammar is realized in the form of a composing series, regardless of the degree of communicative demand for case forms and the profile of a concrete word.

Keywords: repetition; function; case; noun; paradigm; literary text.

Введение

Падежные формы — это выразители определённых семантических функций и «строительный материал» для конкретных синтаксических моделей. Как убедительно показано в «Синтаксическом словаре» [Золотова 1988], каждая форма существительного в русском языке, в том числе в сочетании с предлогом, полифункциональна, а потому сама по себе ещё ничего не значит. Её конкретное значение выясняется только в контексте, во взаимодействии с предикатом и иными «участниками ситуации». Если у нас есть высказывание с изолированной формой, типа *Хлеба!* или *Лыжню!* — то это только потому, что соответствующая падежная форма обслуживает определённую синтаксическую модель (ср.: *Дайте хлеба! Уступи лыжню!*). Или, когда мы встречаем в стихотворении О. Мандельштама «Куда мне деться в этом январе?» «бесхозные» падежные формы *читателя, советчика, врача, разговора*:

А я за ними ахаю, крича
В какой-то мерзлый деревянный короб:
— **Читателя! советчика! врача!**
На лестнице колючей **разговора б!**,

то наше языковое сознание услужливо подыскивает для них подходящий предикат: *хочу, жду, мне надо, дайте мне* и т.п. [Норман 2013: 136–138]. Иными словами, если встречается в тексте автономная, изолированная словоформа, то она проецируется на всю совокупность её синтаксического использования, и прежде всего — на её прототипическую функцию.

Однако, кроме собственно структурной нагрузки, падежная форма способна выполнять и иные семиотические функции: эстетическую, магическую, фатическую и др. Это проявляется при её употреблении в тексте. Повторим здесь афористическое определение М. В. Всеволодовой: «Лексика в словарях спит, а работает она в синтаксисе» и перейдём к рассмотрению **цели** исследования и его **материала**.

Нас будут интересовать случаи, когда говорящий в потоке речи повторяет, дублирует имя существительное в той же самой или другой грамматической форме. В каких ситуациях это бывает и с чем такой повтор связан?

Прежде всего, повтор лексемы или даже конкретной словоформы может быть вызван сбоем в коммуникативном процессе: человек подыскивает следующую словоформу, не сразу её находит, может быть, тянет время, и в процессе этих хезитаций речевой аппарат сам «выдаёт» повторение уже сказанного. Так, в следующей цитате говорящий ошибочно, в силу моторной инерции, повторяет слово *день* (вместо нужного *долг*):

— Завтра трудный похоронный **день**. Каждый отдаст Саре свой последний **день**... Что я сказал?.. Свой последний долг: один трудодень и паек хлеба (А. Даров. Блокада).

Предпосылкой к такому перспективному (катафорическому) влиянию уже произнесённого слова на выбор последующего может быть важность темы. Так, в новелле Александра Грина осуждённого на казнь посещает в тюрьме учёный: ему интересны ощущения заключённого. А того занимает только одна мысль:

— О чём думали вы эти дни?

— **О шее и топоре.**

— А сегодня? — записывая, сказал Коломб. — Сегодня вы думали, мой друг, конечно, о количестве времени, остающемся вам, не так ли?

— Нет. **О топоре и шее.**

— А сейчас?

— **О топоре и шее** («Загадка предвиденной смерти»).

Нельзя сказать, чтобы концентрация на одной теме (близкой казни) тормозила речевые способности заключённого (он даже способен менять порядок слов). Однако она очевидным образом сужает возможности выбора лексических единиц (эффект «заезженной пластинки»).

Другой пример. Писательница говорит о нравственных поисках русской интеллигенции в начале XX века и о роли немецкой классической философии в этом процессе. Итак, выбрана тема: Иммануил Кант. И далее это имя эксплуатируется в разных формах:

Спасаясь от внутреннего разорения, выми-
рающий интеллигент укрывается в честную **Кан-
тову** крепость, плющом обвивается **вокруг Канта**,
паразитирует **на Канте** (О. Форш. Сумасшедший
корабль).

Приведём также один пример из опублико-
ванных записей устной разговорной речи:

Понимаешь я... не могу/ я действительно
считаю что такие лучше вещи лучше читать// Чи-
тать даже/ не смотреть// Понимаешь/ потому что
я просто боюсь **безумного раздражения**// **Безу-
много раздражения**/ потому что понимаешь как-
то раньше я была более терпима/ а сейчас иногда
такое **безумное раздражение**/ что хоть впору
встать и уйти//... [Земская, Капанадзе 1978: 131].

Говорящая, описывая свои впечатления
от художественного произведения, заикливается
на некоторых эстетических фобиях, и это приво-
дит к неоднократному лексическому повтору — ей
важно оправдать в глазах собеседницы свое отри-
цательное отношение к книге или фильму.

Лексический повтор, таким образом, слу-
жит задачам структурирования текста, эмфати-
чески выделяя в нём топик, сиюминутную тему.
Но этим его функции не ограничиваются. Дело
в том, что в процессе речепорождения выбранное
говорящим слово некоторое время ещё хранится
в оперативной памяти человека. Можно сказать,
что в течение определённого времени оно как
бы по инерции сохраняет свою речевую энергию
[Норман 2009: 230] и данный феномен представ-
ляет большой интерес для психолингвистов.

Это очень ярко проявляется в диалогиче-
ской речи: слово, произнесённое одним из со-

беседников, служит стимулом к ответному акту
речепорождения, оно служит своего рода связу-
ющим звеном, мостиком между репликами. Два
примера:

— ...Будет такое **средство**...

— «**Средство**»... Открыли бы с похмелья
какое-нибудь **средство** — и то ладно. А то башка
как этот... как бачок из-под самогона (В. Шукшин.
Космос, нервная система и шмат сала).

— Придет, бывало, кум на разговенье...

— Кум? — забеспокоился Ероха. — **Опер**,
что ли?

— **Опер**... Сам ты — **опер**. Кум, говорю...
Родня... Придет, бывало. Портвейного вина несет
бутылку... (С. Довлатов. Зона).

Подобные повторы (после обстоятель-
ных работ Н. Ю. Шведовой их принято называть
репликами-повторами — [Шведова 1956; Шведо-
ва 1960: 280–362]) актуальны в предконфликтной
ситуации, они чаще всего обозначают несогласие,
возмущение, но иногда просто передразнивание
собеседника.

Приведённые примеры (отобранные с упо-
ром на спонтанный характер речепорождения)
отражают разные коммуникативные ситуации,
но далеко ещё не исчерпывают диапазона функ-
циональной нагрузки лексического повтора. Об-
ратимся к материалу художественной литературы,
ставя перед собой более общую задачу: соотнести
фрагмент языковой системы (падежную парадиг-
му имени существительного) и выбор конкретных
словоформ в тексте.

Постановка проблемы: повтор существи- тельного в художественном тексте

В принципе, повтор слова не несет адресату
нового знания, он снижает информационную на-
сыщенность текста и увеличивает его энтропию.
Однако этот недостаток, очевидно, компенсируется
иными достоинствами: повторы в художественном
тексте обретают особые функции — эмфатическую,
эстетическую, магическую и др. «Повторение в по-
вседневной жизни играет чрезвычайно важную
функцию. Для нормальных людей оно является га-

рантом стабильности и определённости...» [Руднев 2010: 140]. «Повторение тесно связано с магическим, навязчивое повторение навязывает себя другому — это попытка манипулировать другим» [Руднев 2010: 148].

Прежде всего проиллюстрируем возможность с помощью повторов подчеркнуть, усилить в речи такие значения, как множественность (даже при уже выраженном множественном числе), длительность, интенсивность, экспрессивность и т. п. Роль повторов в творчестве отдельных писателей неоднократно подвергалась анализу, см. например, раздел «Повтор» в работе Л. А. Новикова «Стиль и поэтика прозы Андрея Белого» [Новиков 2001: 445–450]. Многие авторы специально писали об экспрессивности повтора, см., например [Иванчикова 1969]. Нас же в этой проблематике интересует в основном грамматическая сторона, а именно: лексема здесь попадает в сочинительный ряд и воспроизводится, как правило, в той же грамматической форме [Норман 2016: 164–165].

Примеры из русской литературы:

— Что ты говоришь? — ужаснулся Самойленко. — **С перцем, с перцем!** — закричал он отчаянным голосом, заметив, что дьякон ест фаршированные кабачки без перца (А. Чехов. Дуэль).

Помню, что сперва, по выходе из отеля, я отдался толпе. И она подхватила меня и понесла, вдоль каменных домов, мимо блестящих, безумно богатых витрин; и **двери, двери, двери**, и зеркальные стекла... (Л. Андреев. Проклятие зверя).

Ночь, ночь, ночь лежала над всей страной (И. Ильф, Е. Петров. Золотой телёнок).

По Смоленской дороге **леса, леса, леса**.

По Смоленской дороге **столбы, столбы, столбы...**

(Б. Окуджава. По Смоленской дороге).

Самое основное теперь у нас было, но мой неутомный хромо́й отец начал уходить каждый день все **в лес и в лес** (Л. Петрушевская. Новые Робинзоны).

— Сыр у них грязными носками отдаёт, Маша! — возражает Дементий Порфирьевич. —

Забыла? Вчера на ужин ты подала камамбер — **плесень и плесень!** (Б. Кенжеев. Обрезание па-сынков).

Во всех приведённых примерах слово повторяется в той же самой (уже найденной говорящим) форме. И редупликация носит фактически грамматический характер: это реализация функции Magn в количественном, качественном, временном или пространственном аспектах.

Если же говорить о фразеологизованных синтаксических моделях, включающих в себя лексический повтор, то здесь уже падежные формы слова могут и различаться. Сравним выражения: *Всем пирога́м пиро́г; Праздник не в праздни́к; Из хитрецо́в хитре́ц; На войне как на войне; Вот уж нос так нос!; Есть револю́ции и револю́ции; Любове́ь любовью́, а...* и т. п. Перед нами — в той или иной мере устойчивые, воспроизводимые целиком структуры, и дважды употреблённое слово не создаёт тут никакого эффекта тавтологии, а воспринимается как часть целого, содержащего явное «приращение смысла». *Всем пирога́м пиро́г* означает 'превосходный пирог', а *Есть револю́ции и револю́ции* — 'бывают разные революции' и т. д. «Текстообразующая» энергия слова порождает множество конструкций, пограничных между лексикой, фразеологией и грамматикой [Копотев, Стексова 2016: 71–102].

Одна из известных стилистических фигур — **полиптит**, т. е. употребление слова (в рамках одного контекста) в разных падежах, с классическими образцами типа *Человек человеку волк*. В русской художественной литературе эта фигура популярна с давних времён, ср. примеры:

Р и ф м о х в а т. **Ветер ветра ветром** гонит.

Все идёт наоборот:

Время все к премене клонит,

Окроме твоих красот

(И. А. Крылов. Сочинитель в прихожей).

Тратьте **рати рать за ратью**,

Как морской песок.

Сбросят в море вашу братью:

Советсят – высок

(В. Хлебников. Каракурт).

Бежит **волна** — **волной**, **волне** хребет ломая,
Кидаясь на луну в невольничьей тоске...
(О. Мандельштам. Бежит волна...).

Встречаются подобные конструкции и в прозаических текстах:

— Знаете, я даже рад. Клянусь. **Жаба жабе жабу** подарила. А меня судьба уберегла, я чист (Н. Давыдова. Сокровища на Земле).

Эстетический эффект такого приёма очевиден: одно и то же слово обеспечивает своими формами различные позиции синтаксической структуры (что само по себе обращает на себя внимание читателя). Полиптит — одна из классических стилистических фигур, наряду с хиазмом, инверсией, полисиндетоном и др.: грамматика обслуживает риторику!

Сочинительный ряд из разных падежных форм

Самое, с нашей точки зрения, интересное — это когда писатель или поэт воспроизводит подряд всю (или почти всю) парадигму склонения слова. И строка становится похожа на упражнение в способности по русскому языку. Но, разумеется, автор делает это не для того, чтобы показать свое знание грамматики. Эти падежные формы выступают как представители разных синтаксических структур (схем) и соответствующих пропозиций, а вся выстроенная синтагматически парадигма — как зародыш возможного текста.

Предпосылка такой интенсивной эксплуатации лексемы — это уже упоминавшийся выбор темы: он может означать и выбор слова. Вот у Льва Толстого в повести «Детство» влюблённый юноша вспоминает разговор со своей пассией:

...Я мысленно разговаривал с нею, и разговор этот, хотя и не имел ровно никакого смысла, доставлял мне неописанное наслаждение, потому что **ты, тебе, с тобой, твои** встречались в нём беспрестанно.

Даже притяжательное местоимение *твои* встраивается в этот ряд обозначений 2-го лица: *ты, тебе, с тобой*. И понятно, что разные словоформы, представляющие одну и ту же семему, — это только «осколки» тех высказываний, которые

были произнесены за день, а *ты* — ключевое слово этого текста.

Но поистине бескрайние возможности манипулирования словом открываются в поэзии. Поэт использует лексему в метаязыковой функции: он вводит её в текст как словарную единицу во всём многообразии её форм. Причём подвергаться изменению по падежам может практически любое существительное. Парадокс же заключается в том, что обычно сочинительная связь в рамках одного предложения обслуживает одну и ту же синтаксическую позицию: тогда говорят об однородных членах (например: *звери, птицы, рыбы; руками и ногами; из стекла и бетона* и т. п.). В нашем же случае как раз наоборот: сочинительный ряд включает в себя представителей разных синтаксических позиций, а последовательность их, как правило, соответствует той, которая принята в российской грамматической традиции: от формы именительного падежа — к формам косвенных.

В стихотворении Б. Окуджавы «Заезжий музыкант» этот приём используется дважды:

Ты слушаешь его задумчиво и кротко,
Как пенье соловья, как дождь и как прибой.
Его большой **трубы** простуженная глотка
Отчаянно хрипит. (**Труба, трубы, трубой...**)

Тебя не соблазнить ни платьями, ни снедью:
Заезжий музыкант играет на трубе!
Что мир весь рядом с ней, с её горячей медью?..
Судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе...

У того же поэта и в других стихах, с другими словами, может происходить то же самое:

И смеюсь над её правотой,
хрипотю её, слепотой,
как пропойца — над чистой водой.
Клевета.
Клеветы.
Клеветою

(Б. Окуджава. Встреча).

А слово *судьба*, в его падежных формах, попадает в фокус внимания и иных поэтов:

Всё про себя: **судьба, судьбе,**
Судьбы, судьбою...
 Нет, вы забудьте о себе,
 Чтob стать собою
 (М. Петровых. О, ветром зыблемая тень...).

Объектом языкового эксперимента может быть и существительное с предметным значением:

Спина подсказывает: **нож,**
ножа, ножу, ножом, ноже.
 В проеме занавеса клин
 так разбегается в экран,
 как нож обнял бы небеса
 (А. Парщиков. Я жил на поле Полтавской
 битвы).

Приводимый ряд словоформ может носить цитатный характер, суммируя совокупность данных речевых явлений:

Меж нами нет любви, не стоит суесловья,
 Но кто-то снова врет и «да» рифмует с «нет».
 Мы снова говорим: **любовь, любви, любовью,**
 Холодные, как лед, и чистые, как снег.
 (В. Долина. Сомнамбула).

Конечно, склонение существительных, как и спряжение глаголов, ассоциируется в массовом сознании со школой, школярством, зубрежкой. И поэты это замечают. Владимир Высоцкий в стихотворении «Чужая колея» говорит об этом прямо:

Я клянусь проложивших её —
 Скоро лопнет терпенье моё —
 И склоняю, как школьник плохой:
Колею, в колее, с колеей...
 (В. Высоцкий. Чужая колея).

Неудивительно, что данный приём становится объектом пародий. Здесь он символизирует собой и обыгрывает пустословие. Повтор лексемы, даже в разных формах, намекает, что поэту нечего больше сказать, вот он и обращается к языковой схеме, к грамматике:

Заводом в небе солнц толпа,
 Железом молот бил.
 Была собака у попа,
 И он её любил.
Гудок, гудка, гудку, гудок —
 Железный лязг зубил...
 (Л. Никулин. Пародия на А. Гастева).

Куда я ни пойду — себя встречаю.
 Я сам с собой переплетён в судьбе.
 Цитирую, вникаю, изучаю
Себя!

Себе!

Собою!

О себе!

(А. Иванов. Я. Пародия на Е. Винокурова).

Причём любопытно, что во всех приведённых случаях поэт ограничивается парадигмой единственного числа. Этого оказывается достаточно для реализации его замысла: показать слово в разнообразии его форм (остальные части парадигмы читатель «достроит» сам).

Обсуждение результатов: семасиологический комментарий

Если семантическое свертывание текста даёт нам список ключевых слов, то в данном случае — наоборот: список словоформ указывает перспективы грамматического развертывания текста. Это своего рода пунктир из опорных единиц, которые могут быть использованы в будущих высказываниях.

Классик психологической науки Л. С. Выготский писал, что внутренняя речь «с психологической точки зрения состоит из одних сказуемых» [Выготский 1982: 341]. Но в синтагматическом ряду каждая падежная форма выступает как представитель «своего» сказуемого (или «своей» группы сказуемых), своей структурной схемы. И этот осколок (образно говоря, «эмбрион») намекает на перспективы развития текста. Иными словами, обращаясь к парадигматическому ряду словоформ (*судьба, судьбы, судьбе...*), поэт демонстрирует возможности своей оперативной памяти и коммуникативных интенций: это своего рода речевой тренинг.

Проанализированный нами материал даёт основания и для дополнительного семасиологического комментария. Понятно, что слово существует через набор своих словоформ. Данные словоформы в речи активны в различной степени: в этом проявляются особенности лексической семантики слова и его сочетаемости. Общая частотность падежей даёт только приблизительное, поверхностное представление о реальном распределении словоформ в тексте. Так, известно, что самый частый в русской речи падеж — это именительный. «В разговорной речи именительный падеж обладает большинством почти абсолютным и никогда не составляет менее 40 процентов» [Никонов 1959: 49]; более свежие данные см.: [Кустова 2012]. За второе место борются винительный и родительный падежи (это зависит от стиля и сферы речи), остальные падежи выстраиваются далее по убывающей частоте. К. Чвани даже предлагала, в связи с этим, изменить последовательность изложения падежей в русской дидактике на «Именительный — Винительный — Родительный — Предложный — Дательный — Творительный» [Chvany 1996: 175–187].

Однако общая частотность падежей не определяет частоты употребления падежных форм конкретного слова. Для этого существует особая высчитываемая характеристика — **профиль** слова, отражающий распределение частот его словоформ в текстах. Покажем это на нескольких примерах.

У слова *бумага*, по данным Национального корпуса русского языка [НКРЯ], самая употребительная форма — это форма винительного падежа (примеры типа *получить бумагу*), затем идёт форма родительного (*лист бумаги*), и только на 3-м месте, с большим отрывом от второго, — форма именительного падежа (*бумага желтеет*) (www.ruscorpora.ru; дата обращения 12.08.2021).

Слово *папёрт*, фиксируемое в словаре, как и все существительные, в форме именительного падежа, значительно чаще встречается в речи в форме предложного падежа с предлогом: *на папёрти*.

А у существительного *прицел* самая употребительная форма — это не номинатив *прицел*, а предложно-падежные формы *под прицелом* и *с прицелом на*. (Понятно, что это свидетельству-

ет о грамматикализации данного слова: фактически *прицел* таким образом входит в состав новых, составных предлогов).

Подобные отличия характеризуют употребление любого слова — через них и проявляется его специфика как лексической и синтаксической единицы. Анализ грамматических профилей позволяет не только уточнить семантическую сущность слов, но и даёт исследователю дополнительный инструмент для формирования лексико-семантических групп [Gries, Divjak 2009].

Однако мы видим, что в сочинительном ряду коммуникативная нагрузка падежных форм «обнуляется»: словоформы предстают тут как конструкторы, в равной степени пригодные для речепорождения.

Выводы

Реализация лексемы в виде той или иной речевой единицы — словоформы — подчиняется определённым правилам. Однако описанное в статье явление (использование парадигмы слова в художественном произведении) реализуется как бы вопреки этим правилам. Перед нами — случаи вторжения в синтагматический по своей природе текст иного — парадигматического — измерения. Условная последовательность словоформ, принятая в грамматике, реализуется в виде сочинительного ряда независимо от степени их коммуникативной востребованности. Несомненно, данная речевая тактика приобретает силу художественного приёма; неслучайно она используется главным образом в поэзии.

ИСТОЧНИКИ

НКРЯ — Национальный корпус русского языка – URL: www.ruscorpora.ru, дата обращения: 12.08.2021.

ЛИТЕРАТУРА

- Выготский 1982 — Выготский Л. С. Мышление и речь. В кн.: Выготский Л. С. *Собрание сочинений. Т. 2. Проблемы общей психологии*. М.: Педагогика, 1982. С. 5–361.
- Золотова 1988 — Золотова Г. А. *Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса*. М.: Наука, 1988. 440 с.
- Иванчикова 1969 — Иванчикова Е. А. Лексический повтор как экспрессивный приём синтаксического распространения. В сб.: *Мысли о современном русском языке*. В. В. Виноградов (ред.). М.: Просвещение, 1969. С. 126–139.

- Копотев, Стеклова 2016 — Kopotев M.V., Steksova T.I. *Исключение как правило: Переходные единицы в грамматике и словаре*. М.: Языки славянской культуры. Рукописные памятники Древней Руси. 2016. 168 с.
- Кустова 2012 — Kustova G.I. *Падеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. На правах рукописи. М., 2012. URL: <http://rusgram.ru>. Дата обращения: 06.11.2021.
- Никонов 1959 — Nikonov V.A. Статистика падежей русского языка. *Машинный перевод и прикладная лингвистика*. 1959 (3 (10)): 45–65.
- Новиков 2001 — Novikov L.A. *Избранные труды. Том II. Эстетические аспекты языка. Miscellanea*. М.: Изд-во РУДН, 2001. 842 с.
- Норман 2009 — Norman B. Ю. Лексический повтор как дискурсивная тактика. В сб.: *Лингвистика креатива*. Т. А. Гридина (отв. ред.). Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2009. С. 230–244.
- Норман 2013 — Norman B. Ю. *Когнитивный синтаксис русского языка*. М.: Флинта–Наука, 2013. 254 с.
- Норман 2016 — Norman B. Ю. *Жизнь словоформы*. М.: Флинта–Наука, 2016. 216 с.
- Руднев 2010 — Rudnev V. *Введение в шизореальность*. М.: Аграф, 2010. 224 с.
- Земская, Капанадзе 1978 — Zemskaja E. A., Kapanadze L. A. (eds.). *Русская разговорная речь. Тексты*. Земская Е. А., Капанадзе Л. А. (отв. ред.). М.: Наука, 1978. 308 с.
- Шведова 1956 — Shvedova N. Ю. К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы. *Вопросы языкознания*. 1956 (2): 67–82.
- Шведова 1960 — Shvedova N. Ю. *Очерки по синтаксису русской разговорной речи*. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 378 с.
- Chvany 1996 — Chvany C.V. *Selected Essays of Catherine V. Chvany*. O.T. Yokoyama, E. Klenin (eds.). Columbus, Ohio: Slavica Publishers, Inc., 1996. 392 p.
- Gries, Divjak 2009 — Gries S. Th., Divjak D.: Behavioral profiles: A corpus-based approach to cognitive semantic analysis. In: *New Directions in Cognitive Linguistics*. V. Evans, S. Pourcel (eds.). John Benjamins Publishing Company. 2009. P. 57–75.
- Копотев, Стеклова 2016 — Kopotев M.V., Steksova T.I. *Exception as a rule: Transitional units in grammar and vocabulary*. Moscow: Jazyki slavyanskoj kultury, 2016. 168 p. (In Russian)
- Кустова 2012 — Kustova G.I. *The Case*. Materials for the project of corpus description of Russian grammar. As a manuscript. Moscow, 2012. URL: <http://rusgram.ru> (date of access: 06.11.2021). (In Russian)
- Никонов 1959 — Nikonov V.A. Russian case statistics. *Machine Translation and Applied Linguistics*. 1959 (3 (10)): 45–65. (In Russian)
- Новиков 2001 — Novikov L.A. *Selected works. Volume II. Aesthetic aspects of language. Miscellanea*. Moscow: RUDN Publ., 2001. 842 p. (In Russian)
- Норман 2009 — Norman B. Ju. Lexical repetition as a discursive tactic. In: *Linguistics of creativity*. Gridina T. A. (ed.). Ekaterinburg: Ural State ped. university, 2009: 230–244. (In Russian)
- Норман 2013 — Norman B. Ju. *Cognitive syntax of the Russian language*. Moscow: Flinta-Nauka Publ., 2013. 254 p. (In Russian)
- Норман 2016 — Norman B. Ju. *The life of a wordform*. Moscow: Flinta-Nauka Publ., 2016. 216 p. (In Russian)
- Руднев 2010 — Rudnev V. *Introduction to schizoreality*. Moscow: Agraf Publ., 2010. 224 p. (In Russian)
- Земская, Капанадзе 1978 — Zemskaja E. A., Kapanadze L. A. (eds.). *Russian colloquial speech. Texts*. Moscow: Nauka Publ., 1978. 308 p. (in Russian)
- Шведова 1956 — Shvedova N. Ju. To the study of Russian dialogical speech. Replicas-repetitions. *Voprosy jazykoznanija*, 1956 (2): 67–82. (In Russian)
- Шведова 1960 — Shvedova N. Ju. *Essays on the syntax of Russian colloquial speech*. Moscow: AN SSSR Publ., 1960. 378 p. (In Russian)
- Chvany 1996 — Chvany C.V. *Selected Essays of Catherine V. Chvany*. O.T. Yokoyama, E. Klenin (eds.). Columbus, Ohio: Slavica Publishers, Inc., 1996. 392 pp.
- Gries, Divjak 2009 — Gries S. Th., Divjak D.: Behavioral profiles: A corpus-based approach to cognitive semantic analysis. V. Evans, S. Pourcel (eds.). *New Directions in Cognitive Linguistics*. John Benjamins Publishing Company. 2009: 57–75.

SOURCES

НКРЯ — National Corpus of the Russian Language – URL: www.ruscorpora.ru (date of access: 08.12.2021).

REFERENCES

- Выготский 1982 — Vygotskij L. S. Thinking and speech. In: Vygotskij L.S. *Collected works. T. 2. Problems of general psychology*. Moscow: Pedagogika Publ., 1982: 5–361. (in Russian)
- Золотова 1988 — Zolotova G.A. *Syntactic dictionary: Repertoire of elementary units of Russian syntax*. Moscow: Nauka Publ., 1988. 440 p. (In Russian)
- Иванчикова 1969 — Ivanchikova E. A. Lexical repetition as an expressive method of syntactic distribution. In: V.V. Vinogradov (ed.). *Thoughts on the modern Russian language*. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1969: 126–139. (In Russian)